

ПВТ №6
г. Москва

Май
2017

Литературный журнал № 5

НАШ ДОМ

Литературный журнал ГБУ ПВТ6

№5. Май 2017 г.

Основание версии для печати - сайт Литературного журнала ГБУ ПВТ, который ведет Надежда Тарасова.
<http://litjurnal-pvt6.ru/publ/>

Оглавление

Вступительное слово	2
П О Э З И Я	3
П Р О З А.....	8
С Т А Т Ь И	12
ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ	14
Встречи в библиотеке	15

Вступительное слово

Здравствуйтесь, дорогие читатели! Май для нашей страны особый месяц, прежде всего потому, что в мае мы отмечаем День Победы. День Победы — праздник победы Красной армии и советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 года и отмечается 9 мая каждого год.

В разделе «поэзия» уместно будет поместить не только стихи наших авторов, но и поэтов фронтовиков.

В разделе «проза» мы будем продолжать публиковать произведения Кирилла Молчанова. В разделе «статьи» продолжим лекции по основам стихосложения.

Утро девятого мая

В том, сорок пятом году,

Солнце, туманы сжигая,

Встало у нас на виду.

Шло оно в дальние дали,

В каждое глянув окно.

В каждой солдатской медали

Жарко сверкнуло оно.

Что же оно озарило?-

Разные раны земли,

Братские наши могилы,

Горе у каждой семьи,

Битый кирпич над золою

Рядом с овином пустым...

Рад я, что помнить такое

Вам не дано, молодым.

Щедрые ваши рассветы,

Гордой любви торжество-

Все это солнце Победы

Все это отблеск его. 1972 г. Леонид Хаустов (1920-1980)

ПОЭЗИЯ

Мы уверены, что каждый из вас разделяет наши чувства любви и благодарности к ветеранам, многие из которых и после войны, к сожалению, прожили нелегкую жизнь. И так хочется найти слова, чтобы сказать этому поколению наших победителей, что мы – помним, любим, ценим! Пусть не только в праздничные дни эти слова, идущие от сердца, согревают их.

Весна, цветенье трав,
И солнце светит,
Мы живы, видим эту красоту,
И вспоминаем о Победе,
Живых и мертвых в той большой войне.
Да будет слава вечная солдатам,
Что защитили Родину мою!
Я с благодарностью склоняю
Пред ними голову свою.

Вера Симонова

Как далеко ушла война!
И после хмурого апреля
Так жаждала весны душа,
И оживляющей капли.
И с первым солнечным теплом
расцвел цветок душистый мая,
Но бережно его несем
К погибшим, голову склоняя.
Лежат в коробках ордена,
Зарубцевались сердца раны,
Но память нам на то дана,
Чтоб мы войну не забывали.
И долго будет, на века,
В душе у нас они все живы,
И смерть не властна в них, пока
свою мы память не убили.

Н. Н.

Есть победы громкие и тихие,
Есть победы, что живут в веках.

Но творят их не цари великие,
Их народ вершит не на словах.

Сколько лет промчалось по планете,
Не смолкают отзвуки войны.
Нас, наверно, не было б на свете,
Если бы не победили вы.

Вы теперь солидные и мудрые,
Вас учила страшная война.
Годы жизни выпали вам трудные.
А теперь другие времена.

Но как прежде солнышко сияет,
И душа, как прежде, молода.
И страна своих не забывает,
Снова раздает вам ордена.

Так приятны почести, но все же,
Выше государственных наград
Ваши внуки, что на вас похожи.
И они победы совершат.

А за радость жизни на планете
Вам от сердца благодарны мы.
Нас, наверно, не было б на свете,
Если бы не победили вы.

Н. Н.

Вечная память.

Не нужно громких фраз,
Уже покинули вы нас.
Вам отдаём земной поклон -
Все, что не сказано, есть в нем,
Ведь каждый помнит о своём.

Вы нас за все ошибки уж простите,
И вечным сном спокойно спите.

Надежда Тарасова

Четыре жестоких мучительных года
Длилась война против русского рода.
Не было горше безрадостных дней....
Сколько прекрасных погибло парней!
Жизни отдали на страшной войне,
Множество холмиков в нашей стране.
Бомбами сыпались с неба угрозы.
Реки наполнили горькие слезы
Осиротевших, бездомных детей,
И почерневших в тоске матерей.
Но сквозь страданья и тяжкие беды
Каждый вносил свою долю в победу.
На смерть боролись, что было сил,
И, наконец, этот день наступил.
Праздник Победы - праздник весны,
День окончания жестокой войны,
День поражения насилья и зла,
День воскрешенья любви и добра.

Надежда Тарасова

Поэт – фронтовик Борис Богатков

«Весна над Москвой»

На заре, встречая день пригожий,
Я без шапки вышел на крыльцо.
Вешний ветер волосы взъерошил,
Холодком повеяло в лицо.
Показалось - вижу я впервые
Серенькие стайки воробьев,
Деревянные дома простые,
На веревках пестрое белье,
Землю, что милее стала втрое,
Скинув пышные меха снегов,
Небо подмосковное, большое,
Лужицы с кусочками его...
За спиною - настежь двери в сени,
Только я войду не скоро в них.
Он мне близок, этот мир весенний,
Как слагающийся в сердце стих.
Не могу я им налюбоваться
И в волненье радостном стою
Оттого, что лет мне восемнадцать,
Оттого, что май во всем краю.

1941. Вешняки

Жизнь продолжается!

Белая трясогузка

У балкона перила узкие,
А для птичек они, как шоссе.
И бежит по ним трясогузка,
Как по взлетной спешит полосе.

Только ей понятным маршрутом
Точно следует, не отклоняясь.
И не раз за одну лишь минуту,
Мимо глаз моих пронеслась.

Влево просто бежит, веселая,
А назад - в клюве листьев пучок,
Или веточку тащит тяжелую,
Напрягая птичий зрачок.

Где – то строит детишкам гнездышко,
Мне с балкона и не видать,
Разгрузилась, милое солнышко,
И тотчас несется опять.

Целый день, с утра и до вечера,
По перилам туда- сюда,
Это мне как бы делать нечего,
Ей – хотя б отдохнуть от труда.

Лес гудит в канун новоселий,
А над ним облака вознеслись,
В суете хлопотливой весенней
Есть высокий порядок и смысл.

И, воистину, ближе к Богу
Птицы малые, словно в упрек.
Не летаю. Бреду по дороге.
Для чего? Все еще невдомек. Н. Н.

На троицу
Пенье птиц далеко раздаётся,
И лучатся просторы долин.
Высоко в небесах, ярче солнца
Блещет золотом Иерусалим.

Дышит утренней свежей прохладой
Каждый тоненький нежный цветок.
Эту прелесть весенней отрады
Подарил нам Премудрый Бог.

Он явил себя в любящем Сыне
Для спасения грешных людей.
Как оазис в иссохшей пустыне,
Для сердец утомленных елей.

И не ждал на земле Он награды,
Свою жизнь для других не щадил,
Для спасенья от страшного ада
Он народ неразумный учил.

И вознесся Иисус. На прощанье
Он, друзей ободряя, сказал -
Не покину я вас, не оставлю,
Дух святой в утешение дам.

Светлый праздник весенний искриться,
Тают темные тучки как тень,
Бог чудесный, единый в трех лицах
Нам готов помогать каждый день.

Этот праздник Великий и святой,
Славит Троицу божий народ,
Дух святой, через Сына ходатая
В отчий дом нас с любовью ведет.

Н. Н.

ПРОЗА

В поисках смысла жизни. Продолжение. Начало в №№ 2-4

Толстой говорит, что наука всегда претендует на то, чтобы изучить жизнь со всех сторон, а это невозможно, во-первых, потому что ни один предмет нельзя видеть сразу, со всех сторон, во-вторых, просто потому, что жизнь в истинном смысле находится вне сферы научного исследования: «Как нельзя подойти к предмету сразу со всех сторон, так нельзя сразу и со всех сторон изучать явления жизни. И волей-неволей устанавливается последовательность. Вот в ней-то и все дело. Последовательность же эта дается только разумением жизни». И Толстой настаивает главным образом на том, чтобы слова всегда употреблялись в подлинном их значении.

Но Толстой разочаровался не только в естественных науках, но и в метафизических науках и в философии. Он говорит о том, что вычитал у философов только одно – «жить бессмысленно» – именно то, к чему он сам пришел. Толстой опирался на тех «великих мудрецов», которые отрицали жизнь. Это, прежде всего Будда, Шопенгауэр и автор Экклезиаста, которого Толстой называет Соломоном. Нужно отметить, что Толстой и себя причислял к их числу – он прямо так и пишет: «...мы с Соломоном и Шопенгауэром поставили вопрос так верно и истинно, что другого ничего быть не может...».

Начиная свои размышления о философии и метафизических науках, Толстой справедливо замечает, что, «опытная наука тогда только дает положительное знание и являет величие человеческого ума, когда она не вводит в свои исследования конечной причины. И наоборот, умозрительная наука — тогда только наука и являет величие человеческого ума, когда она устраняет совершенно вопросы о последовательности причинных явлений и рассматривает человека только по отношению к конечной причине».

Но рассуждение Толстого о метафизических науках сводится к тому, что они только ставят вопросы, но не отвечают на них. Они ставят вопросы, подобные тем, которые он сам себе задавал: «...что такое я и весь мир? и зачем я и зачем весь мир?»[. На эти вопросы, по мнению Толстого, философия не может ответить, даже когда философы полагают в основании мира какую-то одну субстанцию, они только констатируют факт, что эта субстанция существует, а зачем она существует и что из это следует, они ответить не могут: «“что такое я и весь мир?” — “всё и ничто”; а на вопрос: “зачем существует мир и зачем существую я?” — “не знаю”». Поэтому Толстой делает справедливый вывод о том, что истинная философия должна вопрошать, а не отвечать.

Толстой, как и его герой Левин, тоже «перечитал и вновь прочел и Платона, и Спинозу, и Канта, и Шеллинга, и Гегеля, и Шопенгауэра — тех философов, которые не материалистически объясняли жизнь. Мысли казались ему плодотворны, когда он или читал, или сам придумывал опровержения против других учений, в особенности против материалистического; но как только он читал или сам придумывал разрешения вопросов, так всегда повторялось одно и то же. Следуя данному определению неясных слов, как дух, воля, свобода, субстанция, нарочно вдаваясь в ту ловушку слов, которую ставили ему философы или он сам себе, он начинал как будто что-то понимать. Но стоило забыть искусственный ход мысли и из жизни вернуться к тому, что удовлетворяло, когда он думал, следуя данной нити, — и вдруг вся эта искусственная постройка заваливалась, как карточный дом, и ясно было, что постройка была сделана из тех же перестановленных слов, независимо от чего-то более важного в жизни, чем разум.

Одно время, читая Шопенгауэра, он подставил на место его *воли* — *любовь*, и эта новая философия дня на два, пока он не отстранился от нее, утешала его; но она точно так же завалилась, когда он потом из жизни взглянул на нее, и оказалась

кисейною, негреющею одеждой». Герой Толстого так же пришел к убеждению, что все, до чего философы дошли рассудочным путем, было давно ему известно, и все эти построения являются искусственными.

И все-таки Толстой «вычитал у мудрецов» не только отрицание смысла жизни. В «Исповеди» он приводит только те цитаты из мудрецов, которые отрицали жизнь. В трактате «О жизни» он говорит о том, что все мудрецы с древних времен раскрывали людям смысл жизни. И этот смысл в основном сводится к тому, что достижение истинного блага возможно только через отречение от личности: это единственный путь устранения основного противоречия жизни – так как достижение личного блага невозможно без нарушения права других людей, нужно отречься от своей личности..

Действительно, очень часто удивляешься тому совпадению мыслей и изречений мудрецов разных эпох и народов: «“Жизнь — это распространение того света, который для блага людей сошел в них с неба”, сказал Конфуций за 600 лет до Р. Х.

“Жизнь — это странствование и совершенствование душ, достигающих все большего и большего блага”, сказали брамины того же времени. “Жизнь — это отречение от себя для достижения блаженной нирваны”, сказал Будда, современник Конфуция. “Жизнь — это путь смирения и унижения для достижения блага”, сказал Лао-Цзы, тоже современник Конфуция. “Жизнь — это то, что вдунул бог в ноздри человека, для того, чтобы он, исполняя его закон, получил благо”, говорит еврейская мудрость. “Жизнь — это подчинение разуму, дающее благо человеку”, сказали стоики. “Жизнь — это любовь к богу и ближнему, дающая благо человеку”, сказал Христос, включая в свое определение все предшествующие»

Именно это совпадение Толстой очень точно объясняет: «А так как положение в мире всех людей одинаково и потому одинаково для всякого человека противоречие его стремления к своему личному благу и сознания невозможности его, то одинаковы, по существу, и все определения истинного блага и потому истинной жизни...» Такое совпадение мыслей, полагает Толстой, подтверждает то, что все эти мудрецы, да и в принципе все люди обладают единой интуицией жизни и единым разумом.

Конечно, такая жизненная сила и интуиция жизни может служить примером для подражания – именно она дает человеку силы не только к жизни, но и может являться источником творчества. Но и тут может возникнуть вопрос - достаточно ли одной этой интуиции для ощущения полноты жизни, или необходима какая-то внешняя по отношению к жизни опора, или даже – достаточно ли человеку самого этого ощущения жизни?

Состоит ли задача человека только в том, чтобы понять жизнь, пускай даже самые высшие духовные проявления этой жизни?

§2. Вера и любовь

Как же сам Толстой от спорного отрицания жизни перешел к ее утверждению? Конечно, он приходит к утверждению жизни через деятельную веру и деятельную любовь. Толстой сам признается, что какими бы несомненными ему не казались доводы Соломона, Шопенгауэра и свои собственные о том, что жизнь бессмысленна, у него всегда было чувство, «что что-то здесь не так». Он не мог понять этого разумом, но чувство это всегда присутствовало: «Разум работал, но работало и еще что-то другое, что я не могу назвать

иначе, как сознанием жизни... и эта-то сила и вывела меня из моего отчаянного положения и совершенно иначе направила разум».

Когда Толстой разочаровался во всех науках и в философии, и стал искать у окружающих «этого разъяснения в жизни», то сначала он обнаружил четыре способа решения этого вопроса: « первый выход – это выход неведения... Второй выход – это выход эпикурейства... Третий выход есть выход силы и энергии (который направлен на уничтожение жизни как зла – К. М.)... Четвертый выход есть выход слабости («тянуть жизнь»)». Но вскоре Толстой убедился, что он не может принять ни один из этих выходов, поскольку наблюдал все это у людей своего круга. Оглянувшись «вокруг себя», он увидел, что кроме него и этих людей существуют миллиарды людей, которые, несомненно, видели в жизни смысл: «как я мог до такой степени смешно заблуждаться, чтобы думать, что жизнь моя, Соломонов и Шопенгауэров есть настоящая, нормальная жизнь, а жизнь миллиардов есть не стоящее внимания обстоятельство», - удивился Толстой.

Но в чем же видели смысл жизни эти самые миллиарды? Они его видели именно в вере, в той самой вере, которую Толстой отверг. Он высказывает очень интересную мысль о том, что вера, даже если она сама по себе глупа и не имеет никакого смысла, необходима уже потому, что именно она придает смысл жизни. (Это подобно утверждению Канта о том, что все такие понятия, как «Бог», «бессмертие» и т.д., хотя и не даны нам в реальности, но имеют огромное значение для нашей моральной жизни и даже управляют нашей жизнью).

Здесь Толстой опять столкнулся с противоречием: он не мог принять веру, поскольку это было неразумно. Но именно вера устанавливает то отношение, которое необходимо для разрешения его вопросов - это отношение конечного к бесконечному.

Основной вопрос, который может задать любой человек – каково отношение между мной, конечным, и бесконечным миром? Толстой признал, что его ошибка заключалась в том, что при попытке разрешить вопрос о смысле жизни, он всегда «приравнивал... конечное к конечному и бесконечное к бесконечному». Поэтому у него и выходило, что «сила есть сила, ... воля есть воля, бесконечность есть бесконечность, ничто есть ничто, и дальше ничего не могло выйти»: получалось подобно тому, как в математике - вместо того, чтобы решать уравнение решают тождество.

Таким образом, на вопрос: «Почему я существую?», получали ответ: «Потому, что существую». А иногда и такие ответы: « $0+0=0$ ». «Что выйдет из моей жизни?» – «Ничего». Именно такой ответ и получал Толстой: «жизнь, представляющаяся мне ничем, есть ничто». Вера же – это установление отношений между Богом и человеком, между конечным и бесконечным. И теперь, вместо отрицательных ответов и тождеств, Толстой получает совершенно другие ответы: «Как я ни поставлю вопрос: как мне жить? — ответ: по закону божью. Что выйдет настоящего из моей жизни? — Вечные мучения или вечное блаженство. Какой смысл, не уничтожаемый смертью? — Соединение с бесконечным богом, рай».

В этом рассуждении о вере Толстой как бы применил к себе самому то, что он говорил относительно задач опытных и метафизических наук. Но, тем не менее, ему постоянно

мешало противоречие между верой и разумом, потому что при попытке разумом повторить весь ход мысли – все разрушалось. «Проверяя ход рассуждений разумного знания, я нашел его совершенно правильным. Вывод о том, что жизнь есть ничто, был неизбежен; но я увидел ошибку». Именно в этом смысле нужно понимать слова Толстого о том, что высшая разумность «отравляет» нам жизнь. (Значение «разумного сознания» в трактате «О жизни» отличается от значения «разумного

знания» в «Исповеди»: если «разумное сознание» носит более высший и метафизический характер, и именно ему должна подчиняться личность человека, то «разумное знание» – это эмпирическое знание, которое очень часто мешает нам).

Здесь Толстой отмечает ограниченность декартовского «строго разумного знания», обоснованного с помощью радикального сомнения. Толстой говорит, что именно такое строго разумное знание исключает вопрос об отношении конечного и бесконечного и ведет к упомянутым ответам-тождествам. Переход к вере заставил его отказаться от своей исключительной индивидуальности и посмотреть на «миллиарды» других, которые видели смысл жизни в «неразумной» вере. Он понял, что с тех пор как существует человечество, именно вера придает жизни смысл: «Какие бы и кому бы ни давала ответы какая бы то ни была вера, всякий ответ веры конечному существованию человека придает смысл бесконечного, — смысл, не уничтожаемый страданиями, лишениями и смертью».

Он определяет веру как «силу жизни»: «вера в самом существенном своем значении не есть только “обличение вещей невидимых” и т. д., не есть откровение..., не есть только отношение человека к богу..., не есть только согласие с тем, что сказали человеку...— вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет». Но в этом определении вера носит абстрактный характер, ибо Толстой как бы отбрасывает в сторону все главные определения веры. Более того, далее Толстой замечает, что пока человек живет, он должен во что-то верить – это тоже доказывает, что для Толстого, во всяком случае, на первом этапе принятия веры, главным является не отношение к Богу, не откровение, а придание вере характера некоторой неопределенной субстанции.

Толстой стал искать смысл самой веры и снова обратился к людям своего круга (повторив свой ход поисков смысла жизни), но у них он не увидел подлинной веры, потому что вера должна, прежде всего, уничтожать страх перед страданиями и смертью, а эти люди точно так же боялись смерти, как и неверующие. Для них вера опять-таки была одной из форм эпикурейства. Здесь Толстой высказывает главную мысль в отношении веры, утверждая, что только деятельность этих людей могла бы доказать, что у них есть подлинная вера, а подобной деятельности он не видел.

Именно деятельность этих людей, а не их суеверие, оттолкнули Толстого от их веры. И он стал сближаться с «трудовым народом»: даже суеверия, которые были у народа, были необходимы ему. Он видел, что в отличие от «тех» людей, «эти» спокойно переносят страдания и иногда даже с радостью приближаются к смерти. Здесь на все вопросы он находил ясные ответы, которые в общем можно выразить словами мужика, сказавшего Левину, что надо «жить для бога, для души»

«Жизнь для Бога и для души» Толстой понял как необходимость отказа от себя, от своей индивидуальности и полной отдаче себя другим, а именно – деятельной любви. Когда он это понял, то увидел, что все его сомнения, неудачные попытки разрешить вопросы о жизни, и невозможность принятия веры, происходили даже не от неправильного рассуждения, а от «дурной жизни», оттого, что он сам жил дурно. На этом пути «дурной жизни», он не мог получить других ответов, кроме тех, что жизнь есть зло и бессмысленность. Толстой сам признается, что его спасло только то, что он смог вырваться из своей исключительности. Кроме того, его мучило другое чувство. Это было чувство, а не рассуждение – «чувство мучительного искания Бога». Если раньше, под влиянием Канта и Шопенгауэра, Толстой считал доказательство бытия Бога невозможным, то теперь он сам пытался опровергать Канта. И рассуждает так: «Причина, говорил я себе, не есть такая же категория мышления, как пространство и время. Если я есмь, то есть на то причина, и причина причин. И эта причина всего есть то, что называют богом; и я останавливался на этой мысли и старался всем существом сознать присутствие этой причины. И как только я сознавал, что есть сила, во власти которой я нахожусь, так тотчас же я чувствовал возможность жизни».

Толстой неоднократно возвращался к этим рассуждениям, ощущая при этом то «радостные волны жизни», то чувство, что все опять умирает вокруг него и в нем. Он начал не только «теоретически» постигать веру, но «вместе с народом» ходить в церковь и исполнять церковные обряды. Именно обряды смущали Толстого, пока он не понял, что их нужно исполнять и принимать ради единения и любви. Он понимал и принимал слова «возлюбим друг друга да единением», и это для него было важнее, чем слова, которые он не понимал и пропускал: «исповедуем отца и сына и святого духа».

Таким образом, любовь помогла удержаться вере, а вера – любви. Он определяет любовь, как «чувство разрешающее все противоречия жизни человеческой и дающее наибольшее благо человеку», и если жизнь – есть деятельность, то «любовь есть единственная разумная деятельность человека». Именно через такую «деятельную любовь» путем полного самоотречения, и достигается истинная жизнь и истинное благо: «Любовь истинная есть сама жизнь... Жив только тот, кто любит». Толстой понимал необходимость «примерять» конечное к бесконечному; но, несмотря на то, что именно этот принцип помог Толстому выйти из отчаяния и обрести, как ему казалось, веру, в своих дальнейших рассуждениях он не «примерял» этот принцип в отношении самой веры. (продолжение следует)

СТАТЬИ

Война ударила молотом по всем – стар и млад оказались под этой неистовой лавиной смерти. Казалось, уже не было места ни любви, ни творчеству. Однако, люди умудрялись жить, любить и творить несмотря на ежедневную борьбу с «фашистом», которую сегодня называем Великой отечественной войной.

Поэты – фронтовики – термин, который родился в годы Великой отечественной войны. Молодые советские поэты, которые оказались на фронте по воле судьбы и своей воли, писали стихи. В этих стихах отражена жестокая реальность тех дней.

Поэты-фронтовики - особая каста среди стихотворцев. Особый народ, не приученный лгать, хитрить и выгадывать. Поэзия войны - очень сильна и часто невозможно читать ее без слез и комка в горле. К.Симонов, А.Твардовский, Ю.Друнина, Д.Самойлов, А.Межиров, Е.Винокуров, О.Берггольц, С.Гудзенко и еще, еще имена, их много в России: известных, печатавшихся в книгах и журналах в больших издательствах, и простых, скромных, издававших свои стихи в местных районных газетах России, но объединенных войной и поэтическими строками. Вспомним их.

Некоторые поэты погибли на фронте, оставив после себя стихи о войне, другие прожили дольше, однако, жизнь после фронта для многих была короткой, как говорил один из поэтов-фронтовиков Семен Гудзенко «Мы не от старости умрем, - от старых ран умрем».

Тему о поэтах – фронтовиках мы продолжим и в июньском номере нашего журнала.

О стихосложении. Тема – РИТМ

Ритм – равномерное чередование ритмически сильных (ударных) и ритмически слабых (безударных) слогов. Ударный слог с сопутствующими ему безударными слогами называется **стопой**.

Договоримся обозначать ударный слог символом "/", а безударный — "—"

Существует несколько систем стихосложения:

Силлабическая - равное число слогов в строке.

Тоническая - количество ударных слогов в строке повторяется, безударных неопределенное количество.

Примеры:

Дольник — *стих, делящийся не на одинаковые стопы, а на схожие фрагменты, с одним ударением в каждом. При этом интервалы между ударными слогами в дольнике равны 1-2 слогам.*

Так беспо́ мощно гру́дь холоде́ла,

Но шаги́ мои бы́ли легки́.

Я на пра́вую ру́ку наде́ла

Перча́тку с ле́вой руки́.

(*Анна Ахматова*)

Акцентный стих — *интервал между ударными слогами от нуля до шести слогов*

Ну, это совершенно невыносимо!

Весь как есть искусан злобой.

Злюсь не так, как могли бы вы:

как собака лицо луны гололобой -

взял бы

и все обвыл.

(*Владимир Маяковский*)

Верлибр - *нет ни рифмы, ни размера, а ритм создается благодаря паузам и членению на строки.*

Она пришла с мороза,

Раскрасневшаяся,

Наполнила комнату

Ароматом воздуха и духов...

(*Александр Блок*)

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

1 мая - Праздник Весны и Труда (Первое мая, день международной солидарности трудящихся, праздновался в Российской империи с 1890 г. В Российской Федерации отмечается как праздник Весны и Труда с 1992 г.). Людям старшего поколения помнятся многолюдные демонстрации в этот день. Собирались по предприятиям, где работали, несли многочисленные лозунги и плакаты, соревновались, кто лучше и интереснее украсит колонну демонстрантов. По главным площадям городов проезжали грузовики, украшенные цветами, играли духовые оркестры, а после демонстрации расходились по домам, продолжали праздновать за столами, или шли на природу, и там встречали Первомай.

24 мая - День славянской письменности и культуры (Отмечается с 1986 г. в честь славянских просветителей Кирилла и Мефодия)

Ежегодно 24 мая во всех славянских странах отмечают День славянской письменности и культуры и торжественно прославляют создателей славянской письменности святых Кирилла и Мефодия — учителей словенских. Как известно, святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий происходили из знатного и благочестивого рода и проживали в греческом городе Салуне. 24 мая Церковь совершает память святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия. Братья были православными монахами и славянскую азбуку создали в греческом монастыре.

Ученые считают, что славянская письменность была создана в 9 веке, примерно в 863 году. Новый алфавит получил название «кириллица» по имени одного из братьев, Константина, который, приняв монашество, стал Кириллом. А помогал ему в богоугодном деле образования славянских народов старший брат Мефодий. Кирилл, который с малых лет проявил большие способности и в совершенстве постиг все науки своего времени, а также изучил многие языки, на основе греческой создал славянскую азбуку. Он существенно изменил греческую азбуку, чтобы более точно передать славянскую звуковую систему. Были созданы две азбуки — глаголица и кириллица. Кроме того, братья-греки перевели на славянский язык Евангелие, Апостол и Псалтырь. За вклад святых Кирилла и Мефодия в культуру Европы Папа Иоанн Павел II в 1980 году объявил их покровителями Старого континента.

День памяти этих святых как День славянской письменности и культуры начали праздновать в Болгарии еще в 19 веке, а затем эта традиция перешла и в другие страны: Россию, Украину, Белоруссию, Молдову. В настоящее время этому празднику посвящаются научные форумы, проводятся фестивали, выставки, книжные ярмарки, поэтические чтения, смотры художественной самодеятельности, концерты и другие разнообразные культурные мероприятия. Также традиционно в честь праздника проводится Международная научная

конференция «Славянский мир: общность и многообразие» и проходит церемония награждения лауреатов Международной премии святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, учрежденной Московской Патриархией и Славянским фондом России. Ею награждаются государственные и общественные деятели, деятели литературы и искусства за сохранение и развитие кирилло-мефодиевского наследия. Лауреатам премии вручается бронзовая скульптура святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, диплом и памятная медаль.

«14 мая 1984 год особенный день для проживающих в нашем пансионате, так как именно в этот день был открыт наш Пансионат ветеранов труда №6. Ему исполнилось» 33 года. Много интересных людей проживает в пансионате. Есть и «свои» художники, поэты, философы, актеры, певцы, журналисты, люди, прожившую интересную необычную жизнь, и, конечно, наши ветераны. Издана книга памяти о них, действует активно совет ветеранов. Сейчас готовится к изданию книга об особой категории людей «Дети войны». Активную работу ведет и совет инвалидов. О духовной стороне жизни наших проживающих заботится Архимандрит Мелхиседек, широко известный в Москве православный священник. Существует и литературный журнал в электронном виде, который ведет Надежда Тарасова, и сайт пансионата, доступный каждому.

Встречи в библиотеке

29 05 2017 года в нашей библиотеке по инициативе Лотко Любови Михайловны при поддержке Черенкова А. Г. Мякшина С .П. состоялся вечер памяти Юрия Морфесси.

Морфесси Юрий Спиридонович (04.09. 1882, Одесса- 06.08.1957, Париж)-эстрадный певец, актер оперетты. По национальности грек. По настоянию родителей готовился освоить профессию архитектора. Пел в церковном хоре, увлекался театром, был завсегдатаем домашних музыкальных салонов, где был замечен его неординарный песенный талант. Согласно семейной легенде, в доме известной одесской меломанки пение Юрия Морфесси слушал выдающийся итальянский певец М. Баттистини, порекомендовавший юноше посвятить себя опере.

Юрия Морфесси принимают учеником в Одесский оперный театр, где он вскоре дебютировал в партии Валентина («Фауст» Гуно). После недолгой работы в киевской оперной труппе М. Бородея (1905) перешел на «легкий» жанр; уже в сезоне 1905— 1906 на первых ролях в оперетте Ростова-на-Дону, затем в Петербурге (1906) — поет в лучших опереточных труппах, одновременно заключает контракт с варьете «Олимпия». Много времени проводит в Новой Деревне, изучает цыганское пение, слушая знаменитый хор Н. Шишкина и др. Увлечшись русскими и цыганскими романсами, переходит на эстраду.

Огромной популярности Юрия Морфесси способствует не только модный репертуар, прекрасная сценическая внешность, но, главным образом, удивительной красоты голос, способность передавать сильные чувства, благородная манера исполнения. Еще одна семейная легенда говорит о том, что

пение Юрия Морфесси слушал Ф. Шаляпин, назвал певца «Бояном русской песни». В сопровождении своих постоянных аккомпаниаторов - гитаристов Саша Макарова (автор романса «Вы просите песен...») и Де-Лазари пел в театрах-буфф, варьете, концертных залах, совершал большие концертные поездки по России. Не раз пел при Дворе в присутствии императорской семьи. В репертуаре Юрия Морфесси романсы: «Плакучие ивы», «О, позабудь былые увлечения», «Эх, раз, еще раз», «Я пережил свои желанья», «Вы просите песен», «Хризантемы», «Мираж», «Жалобно стонет», «Я помню вечер», «Время изменится», «Не весь я твой» (написан братом, Д. Морфесси на стихи Семена Надсона), «Как хороши те очи», «Помнишь ли ночь» и многие другие.

22 мая 2017 г. Вечер оперы

В библиотеке нашего пансионата была представлена программа, посвященная опере. Были представлены фрагменты различных опер. Среди них особенное впечатление на слушателей произвели старые записи арий в исполнении Елены Образцовой –КАРМЕН, Павла Лисициана – ариоза Германа из оперы «Пиковая дама». Знаменитая ария из оперы Доницетти «Любовный напиток» прозвучала в редкой записи Сергея Лемешева, Каватина Фигаро – в исполнении Муслима Магомаева. Кроме того были представлены современные записи Анны Нетребко и Дмитрия Хворостовского.